

«МИР БЕЗ ДРУГОГО» В ФИЛОСОФИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

Стаття присвячена осмисленню самотності як проблеми екзистенціальної філософії, а саме виявленню ролі та місця Другого в системі міжсуб'єктної взаємодії. В даному контексті аналіз «світу без Другого» найбільш повно розкривається у дослідженні літературного роману як прояву соціальних відносин, зокрема роману «П'ятниця, або Тихоокеанський лімб».

Ключові слова: філософія, самотність, «світ без Другого», роман.

The article is devoted to the comprehension of loneliness as problems of philosophy, namely to the exposure of role and place of Other in the system of intersubject co-operation. In this context analysis of «world without Other» most complete is torn in research of literary novel as displays of social relations, in particular novel «Friday or Pacific limb».

Key words: philosophy, loneliness, «world without Other», novel.

Одиночество принадлежит к числу тех понятий, реальный жизненный смысл которых, казалось бы, отчетливо представляется даже обыденному сознанию, однако подобная ясность обманчива, ибо она скрывает сложное, противоречивое философское содержание, как бы ускользающее от рационального анализа. Особенность проблемы одиночества в том, что она не «укладывается» во всей смысловой полноте, не фиксируется в логико-понятийной конструкции. Эта проблема связана с глубинными процессами психики, которые отражаются на целом комплексе чувств. Восприятия одиночества очень многогранны. Оттенки каждого из них порой влекут за собой разные экзистенциальные переживания.

Проблема одиночества широко исследуется как отечественными, так и зарубежными авторами, в частности в экзистенциальной философии одиночество является одними из ключевых понятий при рассмотрении личностного бытия. Несмотря на весомые научно-теоретические разработки в данной области, интерес представляет современная интерпретация «мира без Другого» через призму литературного романа.

Цель статьи состоит в попытке осмысления состояния одиночества через анализ роли и места Другого в контексте экзистенциальной философии.

Состояние одиночества всегда амбивалентно. С одной стороны человек испытывает потребность побыть сам с собою, уйти от общения, остаться на время в «мире без Другого». Философы часто проводят различие между позитивными и негативными аспектами уединенности и одиночества. Так, в немецкой философии подчеркиваются позитивные аспекты, когда уединенность обеспечивает возможность для рефлексии, общения с богом и с самим собой. В данном контексте одиночество рассматривается как средство реализации силы характера личности, выбирающей одиночество на ограниченный период времени. Уединение является необходимой составляющей для экзистенциальных переживаний, поиска смысла бытия. Многие виды творчества предполагают наличие уединения для обретения вдохновения. Под

понятием уединения скрывается очень обширная экзистенциальная потребность человека, которая становится необходимой в различных отраслях и сферах деятельности.

С другой стороны, негативные аспекты одиночества обуславливаются одной из главных психологических драм личности в современном обществе. Одиночество не на необитаемом острове, а в большом мегаполисе. Современный человек ощущает одиночество наиболее остро в ситуациях интенсивного и подчас принудительного общения – в городской среде, в кругу собственной семьи. В 50-е годы американский социолог Д. Рисмен ввел такой термин, символизирующий наше время, как «одинокая толпа» [1, с. 8]. Другой является потребностью, которую не так и легко удовлетворить. В мире высоких технологий Другим порой выступает искусственный интеллект или его заменяют средства коммуникаций, телевидение, радио и т.д. В современных условиях человеку не требуется личного присутствия Другого, достаточно видеть его на экране монитора или слышать в телефонной трубке, или данное утверждение не верно. Что значит для индивида присутствие Другого в современном обществе?

Для полного и, по возможности, лучшего понимания человеческого одиночества необходимо обратиться к философским трудам, где данная проблема отражается некоторыми писателями-экзистенциалистами. Наиболее наглядно трансформация феноменологии в экзистенциальное осмысление проблемы одиночества произошла в творчестве крупнейшего французского философа и писателя Ж.-П. Сартра.

Именно Ж.-П. Сартру принадлежит ключевое для понимания экзистенциализма изречение: «Человек не есть то, что он есть; человек есть, что не есть» [1, с. 15]. За внешней парадоксальностью этого суждения скрывается немалый философский смысл, утверждающий всеобщую и фундаментальную неудовлетворенность человека миром, разлад с самим собой. Ведь согласно этой формуле, человек постоянно порывается стать тем, «что он не есть», – выйти за пределы своего «Я», найти причину вне себя, разомкнуть сковывающие его рамки одиночества. Но реалии, находящиеся вне него, отрезвляюще действуют на этот порыв. И тогда, возвращаясь к себе, не найдя достойного общения в мире людей, человек не может понять, «что он есть» на самом деле. И поэтому его путь к себе, вернее «в себя», всегда конфликтен, сопряжен с осмыслением одиночества как экзистенциальной ситуации бытия человека в мире.

Ж.-П. Сартр стремился субъективизировать мир, рассматривая последний как состоящий из «меня» и «другого». «Одним из свойств присутствия во мне другого есть объективность», – писал он в своем очерке «Экзистенциализм – это гуманизм». «Но «другой» становится для меня не только объектом, но одновременно перестраивает мой внутренний мир, все, что меня окружает. Иными словами, любой другой вмещивается в самое сокровенное для меня, вторгается в святая святых. В результате «принадлежащее» мне бежит от меня под непрошеным воздействием другого» [1, с. 16]. Это тотальное бегство человека от человека и выражает понимание межличностных отношений Ж.-П. Сартром. «Вещи, будучи объектами («собственностью») моего мира, постоянно теряют свою интимность для меня,

омертвляются, превращаются в предметы совместного пользования. Появление «другого» – будь то случайный попутчик или сосед по столику в кафе, друг детства или член вашей семьи – незамедлительно превращает мой мир во враждебный мне, «украденный» [1, с. 16]. Появление другого человека и тем более общности людей есть, по мнению Ж.-П. Сартра, разрушение, кризис, опасность, конфликт. При этом любая форма коллективности изначально обречена на саморазрушение – отчуждение превращается в универсальный модус «бытия-в-мире».

«Поскольку взаимоотношения «меня» и «другого» постоянно конфликтны, то не может быть и речи о какой-либо общности индивидов» [1, с. 16]. Признание множества субъектов не может быть ясно и отчетливо дано человеческому сознанию, утверждал Ж.-П. Сартр. Рассматривая тривиальные примеры «общности» людей, представляемые обыденным опытом, экзистенциалист доказывает, что солидарность с этой общностью всегда поверхностна, иллюзорна, тогда как ощущение одиночества глубоко, бытийно. Как бы человек ни был вовлечен в переживание общности, он стремится разрушить ее, сохраняя одиночество своего «Я».

Уникальная возможность проникнуть в глубинные состояния одиночества есть средства литературно-художественного выражения. Именно роман «как литературная форма имеет своим источником отчужденную структуру современного общества» [1, с. 72], в отношении которого и принято рассматривать феномен одиночества. Художественный роман становится проявлением социальных отношений.

Одним из знаменитых романов, которые выражают впечатляющую «экзистенциальную» тему человеческого одиночества становится роман Д. Дефо «Робинзон Крузо». В данном смысле роман «Робинзон Крузо» фактически провозглашает в литературе эру субъективного интереса, литературную интроспекцию, интереса к личности и ее отношению к другим людям, что невозможно было сделать с помощью других форм эстетического выражения.

Д. Дефо первый, но не единственный писатель, обратившийся к теме одинокого человека на необитаемом острове. Наиболее полно, в экзистенциальном смысле, эту тему открывает М. Турнье в книге «Пятница, или Тихоокеанский лимб». Основной замысел таков: что станет с одиноким человеком, – человеком без Другого, – на необитаемом острове.

Для того чтобы проанализировать, что случится с человеком без Другого, необходимо рассмотреть последствия отсутствия Другого на острове, следствия присутствия Другого в обычном мире.

Прежде всего, Другой облегчает восприятие окружающего мира, создает фон, с помощью которого существуют другие объекты. «Другой служит для нас мощным отвлекающим фактором не только потому, что он без конца нам мешает и отрывает от интеллектуального мышления, но также и потому, что одна только невозможность неожиданного его появления бросает неясный свет на универсум объектов, расположенных на краю нашего внимания, но способных в любой момент стать его центром» [3, с. 286].

Те объекты, которые не видны нам, видны Другому; именно он доделывает то, что окружает или находится позади нас. Таким образом, Другой создает границы и

переносы, он «регулирует преобразования формы и фона, изменение глубины» [3, с. 286]. Другой создает доброжелательные образы, помогает избежать страха перед неосознанными без него объектами. Одним из главных, руководящих человеком чувств является желание. Во всех своих проявлениях желание «всегда проходит через Другого и через Другого получает себе объект». «Я не хочу ничего, что не было видано, подумано, использовано другим. В этом основа моего желания. Именно Другой всегда спускает мое желание на объект» [3, с. 287].

При рассмотрении последствий отсутствия Другого мы видим злой и черный мир, в котором «рухнула категория возможного» [3, с. 287]. Объекты надвигаются друг на друга, обнаруживается жесткость линий и бешеный темп жизни, в которой уже нет той размеренности, порядка, гармонических форм, все становится пугающе зловещим. Остаются только стихии, бездна и абстрактные линии, «грубое противостояние солнца и земли, невыносимого света и темноты; краткий закон: все или ничего» [3, с. 287].

При сравнении присутствия и отсутствия Другого необходимо определить его сущность. Является ли Другой своеобразным объектом или другим субъектом, или, как в сартровской концепции, он представляет собой объединение двух понятий. У Ж. Делёза Другой является прежде всего структурой поля восприятия, без которой поле это в целом не функционировало бы так, как оно это делает. В Другом отражается действительность окружающего нас мира, через него мы воспринимаем не только объекты, но и происходящие вокруг нас явления, доверяя его восприятию и принимая их реальность. Анализируя категории структуры, можно спорить о дуализме материи поля и духовном восприятии. Ж. Делёз определяет истинный дуализм в «последствиях «структуры Другого» в поле восприятия и последствиями его отсутствия (тем, чем было бы восприятие, если бы не было другого)» [3, с. 290].

Необходимость присутствия Другого является своеобразным показателем «нормального», а значит «неизвращенного» восприятия. Ж. Делёз определяет извращение как неспособность жить с Другим. «С точки зрения поведения, все нас склоняет к тому, что извращение – ничто без присутствия другого... Мир извращенцев есть мир без другого, стало быть, мир без возможного. Другой – это тот, кто овозможивает. Извращенный мир – это мир, где категория необходимого полностью заменила категорию возможного...» [3, с. 302]. За рамки норм можно вынести неспособность постоянного пребывания рядом с Другим. В романе М. Турнье показана именно эта грань, проходя которую, Робинзон уже не может существовать в мире Других.

Такого рода «извращения» возможны не только в условиях необитаемого острова. Отсутствие основной экзистенциальной потребности общения с Другим – часто встречаемое явление в обществе. Неспособность иметь сильные эмоциональные связи с миром приводит к большим страданиям от одиночества и потерянности. Порой упрямое нежелание создавать устойчивые личные контакты, страх, закрепошенность создают высокую стену отчуждения.

Реализация экзистенциальных потребностей по Э. Фромму требует «нормального» восприятия окружающей среды, стремления к «эффективному»

общению [4, с. 310]. Желание быть в обществе Других и быть способным реализовывать свои потребности становится формулой успеха в борьбе с негативными сторонами одиночества. Уединение становится здесь лишь временной переменной для необходимой «разрядки». Потребность в уединении нельзя рассматривать как первую или одну из ступеней к одиночеству. Желание на время остаться один на один с самим собой не угроза морально-психологическому состоянию, а скорее профилактика. Уединение воспринимается в обществе по-разному, очень многие проявляют нетерпение к уединившемуся индивиду, другие понимающе кивают и говорят о том, что сами испытывали такую необходимость. Но в большинстве своем все сходится во мнении по отношению к одиноким людям. Общество не принимает одинокого: «Он внушал нам невыразимый ужас, потому что мы чувствовали, что он одинок» [2, с. 16].

Таким образом, по отношению к одиночеству социальные и моральные нормы и правила так и не определены. Исторически сложилось, что эта тема не обсуждается столь детально. Правила хорошего тона учат обходить столь щекотливый вопрос. Осуждать или сочувствовать, игнорировать или попытаться помочь одинокому человеку – это очень сложная морально-этическая проблема. Вопрос «одинок ли я» задавал себе каждый человек в разные жизненные промежутки и положительный ответ всегда пугает, потому что у человека в любых условиях остается одна из главных экзистенциальных потребностей – поделиться с Другим своими переживаниями.

Литература:

1. Лабиринты одиночества. – М.: Прогресс, 1989.
2. Сартр Ж.-П. Тошнота. – Харьков: Фолио, 1998.
3. Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб. Послесловие Жюль Делеза. – СПб: Амфора, 1999.
4. Фромм Э. Экзистенциальные потребности человека и различные укоренившиеся в его характере страсти // Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 1998.